

ОСТОРОЖНО, ОСНОВЫ КУЛЬТУРЫ!

■ Константин КУОРТТИ

В последние несколько лет мы являемся свидетелями энергичной религиозной экспансии в области образования. У несогласных с внедрением в школу религиозных дисциплин имеются самые разные аргументы. Например, такие серьёзные как несоответствие Конституции (статья 14 провозглашает светскость РФ, статьи 13 и 28 гарантируют свободу совести) или угроза целостности непростой по составу Российской Федерации. Однако есть более фундаментальное соображение, актуальное для любой страны.

Наш главный аргумент таков: *опыт развития человеческого общества демонстрирует успешность отделения науки и школы от религии.*

Впервые такое отделение произошло, по видимому, в Древней Греции VI века до нашей эры. Тогда в городе Милет появилась важнейшая для человечества традиция – традиция свободной критики теорий. Люди стали объяснять окружающий их мир, не прибегая только к религиозным доводам. Анаксимандр (около 610 – после 547 года до нашей эры) мог критиковать теорию Фалеса (около 630 – после 548 года до нашей эры) о строении мира и выдвигать собственную. Это время можно считать временем рождения науки. Ведь без свободной критики нельзя представить никакое научное исследование. Конечно, древним грекам не хватало должного эмпиризма. Известно, сколь ошибочны были воззрения на элементарную физику самого Аристотеля (384–322 годы до нашей эры). Однако начало было положено, и вышеуказанная традиция стала множить теории и научные школы, отделённые от религиозной сферы. Обусловленный этим рост знания и развитие производства востребовали также школы образовательной, неразрывно с наукой связанной.

Имея долгий опыт не всегда последовательно, но в целом успешного развития, мы не должны вновь смешивать науку и светскую школу с религией. Как известно, не следует чинить то, что работает. А соединение каких-то вещей, пусть порознь и хороших, очень часто идёт не на пользу обеим. Такова наша основная мысль. Наш оппонент мог бы задать немало острых вопросов. Попробуем с их помощью рассмотреть проблему со всех сторон.

— Если преподавать будут только историю или основы культур соответствующих религий, что в этом плохого?

В ознакомлении детей с историей мировых рели-

гий, действительно, нет ничего плохого. Однако для этого вполне достаточно уже имеющегося школьного предмета истории. Ведь предназначение школы не заключается в массовом выпуске религиоведов. Что же касается изучения основ иудаизма, буддизма, мусульманской и православной культур, то это неизбежно сведётся к пропаганде религиозного мировоззрения в государственной школе среди детей, против чего мы и выступаем.

Важно также отметить, что представление, согласно которому есть какие-то правильные «традиционные» религии, религии второго сорта и совсем уже подозрительные «секты», последовательно навязываемое обществу, в том числе законодательно, не выдерживает критики. У государства нет права на лицензирование вероучений и цензуру молитв. Почему российские католики или протестанты должны ощущать себя бедными родственниками в своей стране? Чем баптисты хуже буддистов? Противоречивость такой конструкции становится очевидной, если вспомнить одну секту первых веков нашей эры, которая привнесла в мир столь мощный гуманистический импульс. К сожалению, результат уже достигнут: любую обособленную религиозную группу легко обозвать сектой, а для обиденного современного российского сознания это уже априори нечто криминальное.

— Наука не всесильна. Многих верующих не убеждает эволюционная теория, которую преподают в школе. Разве доказана истинность идей Дарвина?¹

Наука, действительно, не всесильна. Чарлз Дарвин (1809–1882) предложил эволюционную теорию, обладающую большой объяснительной силой. По сравнению с другими научными теориями дар-

¹ Чарлзу Дарвину и эволюционной теории посвящён специальный выпуск нашего журнала: «Родник знаний», февраль 2010, № 1 (4).

▶ винизм гораздо лучше согласуется с известными фактами, лучше противостоит критике. Поэтому теория Дарвина и вошла в школьные учебники всего мира. Огромное число людей уверено в её истинности. В то же время далеко не все из них (как и автор этих строк) признают принципиальную возможность окончательно доказать какую-либо теорию в естественных науках: учёный не может быть уверен, что новые факты или обсуждения не приведут к её модификации или отбраковке. Такая сократовская скромность в притязаниях на обладание истиной спасает от догматизма в теории и даёт немало чисто практических преимуществ. К примеру, вспомним нашумевший несколько лет назад позорный обезьяний процесс в Петербурге. Основным аргумент истцов состоял в том, что истинность преподаваемой дарвиновской теории не доказана. Но из предыдущего понятна необоснованность подобного упрёка, который просто переводит спор в ложное русло «доказано – не доказано». А он может длиться вечно. Таким образом, скромность не только украшает человека, но и делает защиту школы от невежественных нападок менее уязвимой.

Иногда на этих же основаниях предлагают ввести в школу креационизм как альтернативу Дарвину. Однако креационизм – не научная теория, а религиозная концепция сотворения мира и человека. Для верующего человека это – истина, ведь так написано в Священном писании. Но для учёных ссылок на такие источники недостаточно, следовательно, и школе это не подходит.

— Что же нужно учёным?

Подходящее для науки определение истины дал в 1930-х годах математик и логик Альфред Тарский (1901–1983). Высказывание тогда и только тогда истинно, если оно соответствует фактам. Если коротко, истинность – соответствие фактам. Человеку свойственно ошибаться. Далеко не всегда человек способен учесть все факты окружающего мира, значимые для какого-либо утверждения о нём. Следовательно, в естественных науках – тех, которые описывают окружающий мир, окончательного знания ожидать не приходится. Вспомним хотя бы переворот в физике Альберта Эйнштейна (1879–1955) или открытие в 1932 году тяжёлого водорода (до этого не сомневались, что атомы водорода сплошь одинаковы, и даже пытались основывать на этом эталонную систему). Философ и учёный Карл Поппер (1902–1994) в середине XX века предложил отделять научные высказывания от метафизических (религиозных, философских, псевдонаучных) именно по принципиальной возможности опровержения этих высказываний. Почему опровержения? Потому что это означает возможность проверки, подчёркивает критический подход. Например, фраза «существует морская змей» не является научным утверждением, так как опровергать её нет никакой возможности, даже если подключить к поиску змея весь существующий флот (всегда можно сказать, что змей просто хорошо прячется). А фраза «существует морская змей в экспозиции Британского му-

зея» – научное утверждение, хотя в данном случае и ложное. Научное высказывание и высказывание истинное – совсем не одно и то же. В естественных науках теорию нельзя окончательно доказать, возможно лишь её опровергнуть.

Это же относится к науке истории с той только разницей, что в ней не удаётся открыть сколь угодно удовлетворительного универсального закона. Предсказывать революции так же, как солнечные затмения, не удаётся. Вместо универсальных (обобщающих) законов естественных наук в исторической науке имеются концепции, которые нельзя проверить экспериментально и которые во многом зависят от подбора и интерпретации фактов. Окончательного знания здесь тоже быть не может. И по-настоящему хороший учебник истории может написать лишь тот, кто признаёт это.

Однако в школе есть наука, полноправно оперирующая истинами. Это – математика. В ней, как и в логике, истины доказываются и выводятся. Высказывания «дважды два – четыре» или «все столы – это столы» истинны. Несмотря на это, истинных знаний о мироустройстве математика не даёт, потому что она вообще ничего об окружающем мире не говорит, являясь только языком для его описания. Например, когда Пифагор (6 век до нашей эры) пытался объяснять практически всё в мире с помощью соотношения целых чисел, ему ради сохранения этой своей теории пришлось засекретить открытие иррациональных чисел, то есть пожертвовать самой математикой.

Важно, что при всех различиях основных школьных предметов, в них нет места знанию, основанному только на авторитете, будь то Библия, Коран, Тора или слова церковного иерарха.

— **Понятно, что признание религиозных утверждений истинами зависит только от веры человека. Но то, что содержание школьных учебников не есть стопроцентно доказанные истины, звучит непривычно и отдаёт каким-то нигилизмом.**

Чтобы доказать истинность теории или вообще какого-то высказывания, требуется иметь критерий истинности. Если вам кажется, что таким критерием является очевидность, авторитетное заключение, общепризнанность, внутренняя непротиворечивость высказывания, его неопровержимость или что-то ещё, то довольно простые примеры помогут показать ошибочность такого мнения. Рассмотрим, например, утверждение: «если большой человек прокричит некую магическую фразу на латыни под полной луной, все болезни пройдут». Это внутренне непротиворечивое утверждение невозможно опровергнуть наблюдением или экспериментом, но мало кто в здравом уме признает его истинным. Не работает и марксистский лозунг «практика – критерий истины» в силу расплывчатости слова «практика», хотя после банкротства «лагеря социализма» его могли бы поддержать как раз противники марксизма.

Многократное повторение какого-то явления тоже не даёт надёжного основания для выводов.

Классическим стал случай времён Александра Македонского (4-й век до нашей эры). Купец и географ Пифей поведал о «чудесах», в которые не поверили ни современники, ни даже многие потомки. Мол, далеко на севере «туман так густ, что корабль не может идти, а солнце летом не заходит». Если многие тысячи раз видишь ежедневный заход солнца, и такое знакомое море никогда не покрывается льдом, легко ошибочно посчитать это положение вещей всеобщим и универсальным. Если тысяча атомов водорода имеет одинаковый вес, также легко ошибочно распространить это на все остальные атомы водорода. Иными словами, интуитивная индукция (общие выводы, следующие из какого-то числа частных фактов) может давать сбой и не гарантирует достоверность. Первым это со всей ясностью обнаружил в XVIII веке шотландский философ Дэвид Юм (1711–1776).

Получается, у нас нет приемлемого критерия истины. Поэтому наверняка можно утверждать лишь то, что в школьные учебники вошли лучшие, наиболее проверенные научные теории.

— Раз нет критерия истины, значит, и доказать необходимость отделения школы от религии невозможно!

Действительно, чисто логически это и многое другое не обосновать. И всё же следует действовать рационально: надо выслушивать критику и учиться на ошибках. Практика, опыт – не критерий истины, а основа рационального поведения, которое помогает нам действовать последовательно и в целом успешно.

Так и в нашем случае. Школьное образование Финляндии, неукоснительно отделённое от религии, считается лучшим в мире. Сугубо светские школы, университеты и колледжи США и Европы пользуются популярностью у состоятельных выходцев из очень религиозных мусульманских стран. Да и вообще, не особо теоретизируя, люди мигрируют в страны с высоким качеством жизни, причём как-то так оказывается, что именно там не смешивают школу и религию. С подобными вещами не поспоришь.

— Однако некоторые учёные – верующие. Не опровергает ли это наш главный тезис?

Религиозные высказывания не связаны с фактами окружающего мира. Поэтому они не могут служить доводами в научных изысканиях. Однако, разумеется, учёный может быть верующим. Наука не стояла на месте и во времена инквизиции, когда в этом отношении не было выбора. Причём отдельные гении сделали себе имя на обоих поприщах. Так, в XV веке философ, создатель первой карты Европы, зачинатель реформы календаря, предтеча дифференциального исчисления в математике и астроном Николай Кузанский (1401–1464) стал кардиналом и папским легатом по Германии. Просто надо понимать, что наука и религия в теоретическом плане взаимно независимы. По замечанию французского астронома и математика Пьера Лапласа (1749–1827), наука не нуждается в такой гипотезе, как наличие бога.

Наука не нуждается и в такой гипотезе, как отсутствие бога. Несмотря на это, наш замечательный физик, нобелевский лауреат и обладатель огромного гражданского темперамента Виталий Гинзбург (1916–2009) призывал встать на атеистическую позицию. Так как научных аргументов для отрицания существования бога и признания существования бога нет, учёный объяснил свой призыв с помощью понятия «интуитивное суждение», что в данном случае трудно отличить от веры атеиста в атеизм. Возможно, позиция агностицизма была бы более органична и для учёного, и для критика церкви, потому что не требует лишнего раз прибегать к вере.

Но на самом деле главная вера учёного – вера в разум. Те, кто не признают ничего, что не обосновывается доказательствами и опытом, сами не смогут обосновать этот свой принцип ни доказательствами, ни опытом. Поэтому даже если учёный вообще не склонен задумываться над вопросами веры, в упомянутом смысле он – верующий человек.

— Может быть, религиозная компонента в школе поможет нравственному воспитанию?

Разговоры о нравственности, как и о патриотизме, зачастую заводятся тогда, когда плохо с аргументацией. Похоже, это тот самый случай. Но претензии клерикалов в школе взять на себя роль учителей нравственности выглядят довольно сомнительно.

Религии представляют обществу идеал, «высшие» ценности, которые призваны в том или ином виде сделать человека счастливым, спасти его душу. В христианстве, например, важнейшей выступает идея любви бога к человеку. По словам богослова Фомы Аквинского (1225 или 1226–1274), любить человека – значит желать сделать его счастливым. Теперь будут внедрять «высшие» ценности через школу. Другими словами, нас в очередной раз хотят осчастливить. Но моральный долг государственных институтов, и школы в том числе, не может и не должен заключаться в том, чтобы делать других счастливыми. Наша страна это проходила: своей воспитательной деятельностью школа уже вносила посильный вклад в создание нового и по-новому счастливого человека наряду с деятельностью судебных троек, концлагерей и психушек. Ту главную «высшую» ценность можно было бы условно обозначить словом «коммунизм» с моральным кредо, оправдывающим любое деяние, если оно способствует победе пролетариата.

Надо сказать, что опыт присвоения и монополизации сферы нравственности уже давно себя дискредитировал. Поэтому в эпоху Просвещения сформировался совершенно другой подход. Право заботиться о счастье человека принадлежит лишь его ближайшим друзьям и родственникам. Вторжение государства в область «высших» ценностей недопустимо.

Иначе вместо нравственного воспитания получается вмешательство в личную жизнь с последствиями, негативными не только для нравственности. Для защиты этой сферы в цивилизованном мире провозглашён и соблюдается принцип свобо-